

Архитектоника творчества Бахтина

Nayan Tara

Research Scholar, Jawaharlal Nehru University

Аннотация: Основная часть статьи посвящена понятию архитектоники у Бахтина. Бахтин в 20-е годы начал работать над понятием архитектоники и продолжал углублять его смысл до последних лет своей жизни. Термин «архитектоника» произошел от греческого слова «ἀρχιτέκτων», что означает «мастер-ремесленник» или тот, кто контролирует рабочих и руководит ими в строительном проекте. Мы сосредоточимся на происхождении термина «архитектоника» и его развитии от Аристотеля до Бахтина. Этот термин в творчестве Бахтина постоянно приобретает новое значение в различных контекстах, в которых он употребляется. В нём рассматриваются вопросы строительства на основе изучения различных типов конструкций. По Бахтину, эти различные типы структуры являются художественными элементами. А вопросы строительства трактуются им как смысл предварительной цельности.

Известно, что Бахтин является антропоцентричным мыслителем. Его методологические рамки затрагивают границы различных дисциплин, что делает его работы междисциплинарными. Он утверждал, что эти дисциплины занимаются и изучают отдельные части языка, а не язык в целом. На разных уровнях он стремится решить проблему формирования разнородных художественных элементов в предварительное завершённое целое. И чтобы дать этическую композицию этих разнородных элементов для формирования завершённого целого, он разработал понятие архитектоники. Эти разнородные художественные элементы такого предварительного целого имеют общие границы, соприкасаются друг с другом, но сами по себе остаются чуждыми друг другу.

В данной статье речь пойдет о том, как был сформулирован термин архитектоника. И каковы его руководящие принципы, на которых базируются все остальные понятия Бахтина, такие как полифония, диалогизм, хронотон, карнавал, гетероглоссия и др. В этой статье мы также попытаемся ответить на вопрос, каким образом архитектоника обеспечивает упорядочивание отношений между живыми субъектами в категориях «я» и «другой». Мы также проанализируем, как это связано с пониманием целостности. Кроме того, в данной статье будет сделана попытка осмотреть, как формулирование Бахтиным архитектоники в XIX веке углубило его позиции в философской обработке языка.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, архитектоника, язык, художественные элементы, цельность.

Термин «архитектоника» относится к изучению различных типов структур. Он произошел от греческого слова «architektonike», которое означает «строительное искусство, конструкция здания»¹. Слово «архитектоника» относится к архитектуре, а именно к строительству зданий. Но на этом предварительном этапе архитектоника занимается вопросами строительства и тем, как что-то собирается воедино.

¹ Николюкин, А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Интелвак, 2003. Стр - 61

Впервые термин «архитектоника» встречаем у Аристотеля. Его позиция в отношении этого термина подразумевает, что если вы формулируете идеи и концепции в уме, у вас должно быть что-то, чтобы представить их. Например, когда архитекторы проектируют здания или сооружения, у них в голове есть идеи и концепции, которые они изучают и формулируют. Они используют эти идеи и концепции, чтобы показать свою форму искусства.

Ричард Маккион объясняет архитектуру Аристотеля и говорит, что истинным объектом архитектуры являются не кирпичи, раствор или древесина, а дом. Так и главным объектом философии являются не материальные элементы, а их состав и тотальность формы, вне которой они не имеют существования.²

В литературе термин «архитектоника»³ не теряет своей семантики, которая характерна для архитектуры. Она по своей природе предполагает самое строгое внимания к соотношению частей. Другими словами, она является наукой об отношениях. Отношений, которые несут в себе пропорцию для достижения целого. И пропорция этого целостного отношения никогда не бывает статичной. Она меняется и развивается.

Русский философ и литературный критик Михаил Михайлович Бахтин говорит, что «приходится называть наш анализ философским. Это не лингвистический, не филологический, не литературоведческий или какой-либо иной специальный анализ (исследование). Наше исследование движется в пограничных сферах, то есть на границах всех указанных дисциплин, на их стыках и пересечениях.»⁴

Он является первым, кто использовал понятие «архитектоника» как ценностной структуры эстетического объекта.⁵ В литературе под этим термином понимается «построение художественного (литературного) произведения как единого целого, в котором интегральная взаимосвязь и соотношение отдельных его частей определяются идеей произведения».⁶

Такое понимание термина «архитектоника» является базовым. Этот термин в работах Бахтина постоянно приобретает новое значение в различных контекстах, в которых он используется. Бахтин в своих ранних и поздних философских эссе сформулировал понятие архитектоники. Он рассматривал архитектуру как основную тему в своих эссе «Искусство и ответственность» и «Автор и герой в эстетической деятельности». В этой статье мы сосредоточимся на вопросе о том, как автор формирует некую предварительную цельность из отношений, которые он артикулирует со своими героями. В работах Бахтина архитектура служит основой для обсуждения этого вопроса.

Бахтин в своих работах, согласно Холквисту, рассматривал эстетику как один из разделов архитектоники. Архитектоника - это общее изучение того, как объекты соотносятся друг с другом, а эстетика занимается проблемой завершения, или как части формируются в целое⁷. Бахтин утверждал, что познавательные и этические ценности больше не могут функционировать как

² McKeon, Richard. The basic works of Aristotle. Modern Library, 2009. Page - 3-5

³ Бердник, Е. С. Корреляция понятий «композиция» и «архитектоника» в литературоведении. Universum: филология и искусствоведение. 2014. Стр - 8

⁴ Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Рипол Классик. 1979. Стр - 297

⁵ Тмарченко Н.Д. Литературная энциклопедия терминов и понятий. «Интелвак», 2003. Стр - 61

⁶ Бердник, Е. С. Корреляция понятий «композиция» и «архитектоника» в литературоведении. Universum: филология и искусствоведение. 2014. Стр.- 6

⁷ Bakhtin, M. M. Art and Answerability- Early Philosophical Essays. University of Texas Press. 1990. Page - 2

моменты, которые приводят к завершению всего героя и его жизни.⁸ Например, события их рождения и смерти. Эти два события, наряду со многими другими, не являются трансгредиентными к самому герою.

Способность и различная степень трансгредиентности приобретается позицией извне воспринимаемого события. Бахтин назвал эту позицию «внеположностью». Герой произведения не может видеть себя извне, так как для своей наличности необходимо иметь позицию, которая и есть «Я». Внутри своего сознания «Я» не имеет начала и конца. Познать события рождения и смерти можно только через «Других». Событие смерти не может быть познано моим сознанием, то есть «Я». Воспринимать - значит жить, а чтобы жить, надо быть незавершенным. Чтобы жить, человек не может аксиологически совпадать со своей наличностью. Таким образом, здесь можно сказать, что Бахтин подчеркивает необходимость наличия «Других».

Из этого следует, что существует два ценностных центра – «я» и «другой». Два ценностных центра самой жизни, вокруг которых организуется и выстраивается архитектура ответственного действия. И эти два ценностных центра должны быть взаимообратными друг другу. С пространственно-временной и аксиологической точки зрения архитектурная связь между этими двумя ценностными центрами жизни должна оставаться. Это означает, что точка зрения «Я» не должно доминировать.⁹

Бахтин обнаруживает, что архитектура ответственности достигается в литературе, в словесном искусстве. В архитектуре словесного искусства ценностный центр представлен отношениями автора и героя, а точка зрения характеризуется способностью к трансгредиентности, экстралокализации, экзотопии. То есть для достижения художественной ценности авторский взгляд должен свидетельствовать об инаковости и внехудожественных ценностях героя. Поэтому авторский взгляд должен быть экстралокализован по отношению к герою в пространстве, времени и смысле.¹⁰

Бахтин говорит, что «для эстетической объективности ценностным центром является целое героя и относящегося к нему события, которому должны быть подчинены все этические и познавательные ценности; эстетическая объективность включает в себя познавательно-этическую.»¹¹ В этом контексте авторство является актом эстетическим, поскольку автор видит всего героя, как он реагирует на других, как другие реагируют на него, а также как меняются отношения между ними.

Бахтин в его работе «Автор и герой в эстетической деятельности» с самого начала обращает внимание читателя на то, что «автор» рассматривается не как «автор как человек», а как «автор как творец». А «герой» является не просто персонажем, а образом человека, который рассматривается как целое. Согласно Бахтину, автором является «носитель напряженно-активного единства завершенного целого, целого героя и целого произведения, трансгредиентного каждому отдельному моменту его.»¹²

В отличие от героя, автор обладает избыточным видением. Он знает все о каждом герое и событиях их жизни. Иными словами, автор видит и знает то, что в принципе недоступно героям. И именно

⁸ Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Рипол Классик. 1979. Стр - 17

⁹ Ponzio, Augusto. *Philology and Philosophy in Mikhail Bakhtin*. 2015. Page - 138

¹⁰ Там же.

¹¹ Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Рипол Классик. 1979. Стр - 17

¹² Там же. Стр - 16

эта позиция избыточного видения автора как творца позволяет ему найти все те моменты, которые приводят к завершению целого. Целое каждого героя, а также целое событий, которые составляют их жизнь и в которых они совместно участвуют, то есть целое произведения.

Согласно Бахтину, «чтобы жить, надо быть незавершенным, открытым для себя — во всяком случае, во всех существенных моментах жизни, — надо ценностно еще предстоять себе, не совпадать со своею наличностью»¹³. «В этом смысле эстетическая объективность идет в другом направлении, чем познавательная и этическая»¹⁴. Можно сказать, что именно поэтому Бахтин рассматривает героя произведения как образ человека, так как у него отсутствует избыток видения. Он не может совпадать со своею наличностью. Он сам не может создать целое.

По словам Холквиста, эстетика в понимании Бахтина всегда предполагает восприятие объекта, текста или даже человека в целом. такое завершение затем рассматривается как акт авторства. Авторство героя - это особый вид отношения к другому человеку. Это эстетическое событие в том смысле, что оно является реакцией на целое героя как человека, которое трансгredientно к самому себе. Таким образом, отношение между ними является отношением «я» и «другой», которое рассматривается Бахтиным в смысле авторства. Для того чтобы создать это целое, автор должен находиться вне героя и обладать «избытком видения», который позволяет ему видеть все то, что трансгredientно самому герою. Теоретические рамки Бахтина включают в себя то, что целое никогда не дано, но всегда достигается. Бахтин пытался достичь целого из потенциальных частей. Это именно то, что теоретизирует архитекtonика.

Грир говорит, что по Бахтину архитектурное единство означает более глубокое ощущение целого. Подобно тому как архитекторы рассматривают массу и силы гравитации, которые играют роль в строительстве здания, архитекtonика как метафора подразумевает невидимые социальные силы, прежде всего в языке, которые окружают и определяют нас. Эти силы толкают и затягивают нас, мы привлекаемся к ним или отталкиваемся от них. Мы определяемся тем, что нам нравится и не нравится. Как люди, живущие в этом мире, и как писатели, мы занимаем позицию в отношении того, что нам нравится и что не нравится. Мы организуем предметы мира в своем сознании и создаем свою собственную идентичность на основе нашего отношения к этим предметам. В этом процессе мы формируем личное понимание соотношения частей и целого. У этого целого есть еще одно слово, что является значением.¹⁵

Отношения, которые упорядочивает архитекtonика, всегда находятся в состоянии динамического напряжения. Архитектоника подобна архитектуре в той мере, в какой она связана с построением целого через манипулирование отношениями между частями. Но архитектура является лишь одним из проявлений архитектурной. Архитектоника активна в том смысле, что она всегда находится в диалогическом процессе.

По мнению Холквиста, диалогизм является одной из форм архитектурной. Это общая наука об определении порядка соединения частей в целое. Архитектоника является наукой об отношениях. Отношения частей всегда носят пропорциональный характер при создании целого. Бахтин подчеркивает, что эти отношения никогда не бывают статичными, а оно всегда находится в процессе образования и разрушения.¹⁶

¹³ Там же. Стр – 16-17

¹⁴ Там же. Стр – 17

¹⁵ Greer, Russell. Architectonics and style. The centrality of style. 2013. Page - 71-80.

¹⁶ Holquist, Michael. Dialogism: Bakhtin and his world. Routledge. 2003. Page - 28

Холквист также отмечает, что Бахтин обращает внимание на важность в диалогизме. В диалогизме мир обращается к нам, и мы живы и человечны в той мере, в какой мы отвечаем. Мы можем отвечать на адресацию. Мы отвечаем в том смысле, что вынуждены отвечать. Мы не можем выбирать, но должны дать миру ответ. Каждый из нас занимает в бытии уникальное место. Бахтин называет это «не-алиби в бытии», что означает уникальность места, которое я занимаю в бытии. В самом глубоком смысле этого слова оно означает ответственность. Только в этом месте ко мне обращен мир, поскольку только я в нем нахожусь. Более того, мы должны продолжать формировать ответы, пока мы живы.¹⁷ Бахтин говорит, что «за то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней.»¹⁸

Мы можем сказать, что, мои ответы в диалоге, который я вел, будут иметь форму текста, своего рода книги. Более того, книга, которая принадлежит к определенному жанру. Бахтин рассматривает бытие как разновидность книги, которую мы называем романом. Бахтин использует литературный жанр романа как аллереорию для представления бытия как условия авторства.¹⁹ В связи с этим можно сказать, что «искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности.»²⁰

Даже автор в эстетической деятельности обретает позицию, как и его герой в произведении. Это делает ее диалогической по своей природе, поскольку целое не дано, а опосредовано. Разница заключается лишь в способности к трансгредирентности, способности к избыточному видению, способности оправдать бахтинское понятие внеположенности. Таким образом, опосредованное завершенное целое становится полифоническим по своей природе, поскольку герой, как и автор, имеет свой собственный голос. Они стоят рядом. Можно также сказать, что достигаемые и опосредованные целостности способны сохранять гетероглосную природу героев.

Необходимым условием для того, чтобы иметь точку зрения на любую вещь, является способность видеть. А видеть можно только с определенного места в бытии. Ко всему нужно подходить с точки зрения. А точка зрения всегда расположена. Прежде всего, она должна быть расположена в физическом теле, которое занимает время и пространство. Основная суть всей архитектоники Бахтина выражена в его утверждении, что архитектоника означает упорядочивание смысла.

Заключение

Мы можем сказать, что только в XIX веке в работах Бахтина термин архитектоника изучается в категориях Я и Другой. Эти категории дают начало понятию вневходимости. Это означает, что половина истины лежит снаружи, во внешнем мире. Архитектоника является ключом к философии Бахтина, поскольку в основе любого человеческого действия лежит проблема достижения целостности того или иного рода из частей разного рода. Это также формирует основу, которая позволяет эстетическое завершенное. Это эстетическое завершенное возможно при формулировании наиболее этических отношений между автором и героем в условиях авторства. Можно сказать, что в XIX веке формулировка архитектоники Бахтина углубляет значения этого слова в философской обработке языка.

¹⁷ Holquist, Michael. Dialogism: Bakhtin and his world. Routledge. 2003. Page - 28

¹⁸ Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Рипол Классик. 1979. Стр – 7

¹⁹ Holquist, Michael. Dialogism: Bakhtin and his world. Routledge. 2003. Page – 28-29

²⁰ Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Рипол Классик. 1979. Стр – 8

Библиография

Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Рипол Классик. 1979.

Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.,1975.

Бахтин, М. М. К философии поступка. Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1985.

Бердник, Е. С. Корреляция понятий «композиция» и «архитектоника» в литературоведении. Universum: филология и искусствоведение. 2014.

Гиршман М.М. Литературное произведение: теория художественной целостности. М., 2002.

Денисова, Е. А. Категория смерти в антропологической системе М. М. Бахтина. Теория и практика общественного развития. 2006.

Кристева, Ю. Бахтин, слово, диало и роман. 2000.

Медведев П.Н. (Бахтин М.М.). Формальный метод в литературоведении. М., 1993.

Николюкин, А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Интелвак. 2003.

Сандлер, С. В. карнавала в контексте философии М. М. Бахтина. Studia Litterarum. 2016.

Тамарченко Н.Д. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Интелвак. 2003.

Bakhtin, M. M. Art and Answerability_ Early Philosophical Essays. University of Texas Press. 1990.

Boyarin, Daniel. Intertextuality and the Reading of Midrash. Bloomington: Indiana University Press. 1994

Clark, Katerina, and Michael Holquist. Mikhail bakhtin. Harvard University Press. 1984.

Greer, Russell. Architectonics and style. The centrality of style. 2013.

Mayerfeld Bell, Michael and Gardiner, Michael. Bakhtin and the Human Sciences. No last words. London-Thousand Oaks-New Delhi: SAGE Publications. 1998.

Lynch, R. A. Bakhtin's ethical vision. Philosophy and Literature. 1993.

McKeon, Richard. The basic works of Aristotle. Modern Library, 2009.

Morson, G. S. and Emerson, C. Introduction: Rethinking Bakhtin. Evanston: Northwestern

University Press. 1989.

Holquist, M. Dialogism (2nd ed.). London: Routledge. 1990

Holquist, Michael. Bakhtin and Rabelais: Theory as praxis. 1982.

Holloway, J. and Kneale, J. Mikhail Bakhtin: dialogics of space. Thinking space. Routledge, 2002.

Ponzio, Augusto. Philology and Philosophy in Mikhail Bakhtin. 2015

Sue Vice. Introducing Bakhtin. Manchester University Press. 1998